

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

ДМИТРИЙ
ВИДИНЧЕВ

СКИТАЛЕЦ

МОСКВА
2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В42

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке В. Коробейникова

Видинеев, Дмитрий.

В42 Скиталец / Дмитрий Видинеев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Интеллектуальный триллер).

ISBN 978-5-04-091210-0

Алина совсем ничего не знала про своего деда. Одинокий, жил в деревне, в крепком двухэтажном доме. На похоронах кто-то нехорошо высказался о нем, но люди даже не возмутились. После похорон Алина решила ненадолго остаться здесь, тем более что сын Максимка быстро подружился с соседским мальчишкой. Черт, лучше бы она сразу уехала из этой проклятой деревни! В ту ночь, в сырых сумерках, сын нашел дедов альбом с рисунками. Алина потом рассмотрела его, и сердце ее заледенело от ужаса. Зачем дед рисовал этот ужас?! У нее еще было время, чтобы разглядеть нависшую угрозу и понять: обнаружив ночью альбом с рисунками, она перешагнула черту, за которой начинается территория, полная мерзких откровений. И на этом пути уже не остановишься и не оглянешься...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091210-0

© Видинеев Д., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Комар долго летал среди могил — голодный, злой. Ему не повезло родиться на кладбище, ведь поживиться здесь было нечем.

Он метнулся вправо, влево, обогнул надгробную плиту, юркнул между прутьями оградки и уселся на лист крапивы. Его рецепторы улавливали сотни ароматов, но не было среди них того самого, вожделенного.

Комар снова взлетел и тут наконец-то почувал запах крови. Не теряя времени, он устремился в сторону потенциальной жертвы.

Вот и пища. Люди стояли возле вырытой могилы.

Кровопийца облетел вокруг старика, ловко увернулся от ладони мужчины в черном помятом пиджаке и остановил свой выбор на молодой женщине с короткой стрижкой. Он уселся на ее шею, вонзил хоботок в кожу...

Тут-то и пришел ему конец.

Алина прихлопнула паразита, растерла между пальцев и щелчком избавилась от того, что от него осталось. Но больше комаров ее сейчас тяготили все эти траурные лица, осторожные слова сочувствия. Отчаянно хотелось, чтобы гроб наконец погрузили в могилу и закопали. Глядя на венки в руках людей, на скромные букетики, на мрачных рабочих с лопатами, она все больше убеждалась, что нет ничего уто-

мительней похорон. А впереди ведь еще поминки... Ох, скорее бы уж перевернуть эту страницу.

Ее к тому же озадачивало, что она не испытывала ни малейшей скорби. Вообще. Словно хоронили какого-то незнакомого человека, а не родного дедушку. Странно, но ей казалось, что у всех собравшихся вокруг свежеевыкопанной могилы траур на лицах не искренний, а скорее дежурный, церемониальный. Да и слова сочувствия — до оскомины стандартные, без слезливых интонаций.

Алина попыталась возродить в памяти хоть какие-то значимые воспоминания о дедушке. В голове возникали обыденные, достаточно блеклые образы из прошлого, будто кадры скучного кинофильма: вот дедушка Андрей Петрович стоит у окна, а вот сидит на скамейке возле дома. И все! Но ведь должно же быть хоть что-то памятное? Ведь она провела в деревне с дедушкой и бабушкой несколько лет в детстве... О каждом, тем более родном человеке можно вспомнить немало подробностей: его привычки, голосовые интонации, выражение лица в определенных обстоятельствах. Алина сейчас о соседе с нижнего этажа, которого видела от силы раз в неделю, могла вспомнить больше подробностей, чем о родном дедушке. Парадокс какой-то, не иначе. Да и о бабушке, Марии Васильевне, ушедшей из жизни восемь лет назад, воспоминания в основном рождались скучные, блеклые, бабушка всегда была эдакой серой мышкой, вечно прячущей взгляд за надвинутой на глаза косынкой.

Что же касается дедушки... он предстал в сознании словно тень среди теней. И какая тут может быть скорбь?

Алина услышала очередную стандартную для похорон фразу от стоящей рядом женщины в черном платочке:

— Место здесь прекрасное. Ему тут хорошо будет.

Насчет «хорошо будет» Алина сомневалась, но по поводу места не могла не согласиться. Кладбище выглядело ухоженным, аккуратным, без пафосных памятников а-ля «Здесь покоится крутышка». Сквозь густую листву тополей пробивались лучи июльского солнца, но они не могли рассеять особую, будто застывшую в вечности атмосферу тихой грусти. Островок непрерывного покоя.

Невольно Алина подумала, что не против того, чтобы ее захоронили именно здесь, и эта мысль немного напугала: рано раздумывать на подобные темы, вся жизнь еще впереди. В тридцать лет здоровые люди должны думать о собственной смерти как о чем-то нереальном. Она взглянула на соседнюю могилу с гранитной надгробной плитой и понадеялась, что грустный магнетизм этого места не останется в памяти надолго, растворится среди новых образов и впечатлений.

Гроб начали опускать в могилу, и Алина не удержалась от вздоха облегчения: наконец-то. Ей казалось, что время тянется ужасно медленно, даже возникла странная мысль: «Еще немного, и я стану частью кладбища, сознание затеряется среди надгробных плит и тополей навсегда».

Она вспомнила, как Максимка, ее семилетний сынишка, тоже просился поехать на похороны, не слишком-то понимая, о чем просит. Нахмурившись (и откуда только он взял привычку хмурить брови, как сыч?), малыш заявил: «Хочу поехать!» При этом он деловито сложил руки на груди, что, по его мнению, должно было придать вес словам. Алину такие категоричные жесты сына всегда забавляли. И даже тогда, несмотря на печальную атмосферу предстоящих похорон, она едва не рассмеялась, глядя на сердитого гномика, который терпеть не может, когда ему говорят «нет».

Но «нет» пришлось сказать. Похороны — дело утомительное, и если есть возможность оградить ребенка от печальных церемоний, то лучше и не колебаться.

Максимка был не из тех детей, кто отказы встречают нытьем, — обошелся демонстративным тяжким вздохом и минутным бойкотом. Должно быть, решил, что его лишили какого-то приключения, но приключения не настолько захватывающего, чтобы снова настаивать: «Хочу поехать!» Он остался в деревенском доме вместе с тетей Катей и еще с тремя женщинами, которые готовили стол для поминок.

Сейчас, кидая горсть земли на крышку гроба, Алина только утвердилась во мнении: детей лучше ограждать от подобных зрелищ. И слава богу, что муж, которого Алина в последнее время мысленно (а порой и вслух) называла уродом, мразью и другими оскорбительными словами, остался в Москве. Уж он-то точно потащил бы сына на похороны. Черт, да он потащил бы его даже в преисподнюю, лишь бы назло ей, Алине. Обычно муж аргументировал свои, порой неадекватные, действия простой быдлярской логикой: «Мне лучше знать, я ведь мужик!» Впрочем, этому «мужику» никогда не мешало, как щитом, прикрываться своим влиятельным папашкой. Алина подумала: «Как же хорошо, что он сейчас далеко». От этой мысли даже стало легче дышать.

Рабочие принялись засыпать могилу, и тут случилось то, что вызвало в Алине скорее удивление, чем возмущение, во всяком случае, в первые секунды...

Из толпы вылетела пивная бутылка. Сверкнув в солнечных лучах, она описала в воздухе дугу, залетела в могилу и стукнулась о крышку гроба. Кто-то охнул, стоящая рядом с Алиной женщина в черном платочке поспешно перекрестилась.

Вытирая руки об обшлага черного потертого пиджака, к могиле подошел высокий мужчина. Его седые

волосы были растрепаны, морщинистое загорелое лицо выражало презрение. Позже, вспоминая произошедшее, Алина подумает, что этот мужчина, которого лишь с натягом можно было назвать пожилым, чем-то похож на Валентина Гафта.

Рабочие перестали засыпать могилу и уставились на наглеца. Какая-то старуха тихо и несмело проворчала:

— Федор, ты совсем очумел?

Но Федор не обратил на ее слова внимания. Он поддел ногой ком земли, сбросив его в могилу.

— А я говорил, сука, что ты сдохнешь раньше меня, — его слова прозвучали насмешливо и зло. — Я ведь говорил, верно? А ты смеялся...

Алина хотела было возмутиться, но слова застряли в горле. Она бросила взгляд на людей, удивленная тем, что никто не спешил приструнить наглеца. Все, как ей показалось, смотрели на Федора с опаской. А он тем временем продолжал, игнорируя правило, что о покойниках либо хорошо, либо ничего:

— Надеюсь, ты сейчас корчишься в аду, в самом пекле, нелюдь. И сегодня, когда это дурачье будет поминать тебя, я выпью за то, что ты наконец-то сдох.

— Хватит, Федор, — решил осечь его интеллигентного вида старик. — Иди лучше проспись. Человек умер, а ты ведешь себя...

— Человек? — Федор скривился и перевел взгляд на старика. — Я, Виталий Аркадьевич, даже не уверен, был ли он человеком. Вот вы будете сегодня поминать его, а что сможете о нем вспомнить?

«Я не помню о нем ничего», — мысленно и торопливо ответила Алина. Странно, но ее возмущение теперь граничило с любопытством: кто этот человек? Почему он так ведет себя, ведь должна же быть причина? Федор не производил впечатления местного дурачка или алкоголика. Чем ему так насолил дедушка,

что он не постеснялся выказать презрение прямо на похоронах?

Рабочие, вспомнив, зачем у них в руках лопаты, продолжили закапывать могилу. Люди молчали, с неодобрением глядя на Федора: ты здесь лишний, уходи! Но в их взглядах не было открытой враждебности. Алина подумала, что так смотрят на тех, кого побаиваются и тем не менее уважают.

Федор тяжело вздохнул, зачем-то уставился на свою ладонь, несколько секунд внимательно вглядывался в складки на коже, а потом его пальцы медленно сложились в кулак.

Алине показалось, что он сейчас опять взорвется, она читала в выражении его лица смешение чувств: гнев, обиду. Но нет, не взорвался. Разжал кулак и с напругом пригладил свои всклокоченные волосы. Алина буквально слышала мысли людей: «Да уйди же ты наконец!» А еще она отметила, что в деревне теперь будет отличная тема для пересудов.

Федор сунул руки в карманы пиджака, ссутулился и пошел прочь от могилы. Когда проходил мимо Алины, едва не задев ее локтем, она не удержалась от запоздалого упрека.

— Это подло, — сказала эти слова тихо, надеясь, что услышит только он.

Федор остановился и искоса, с прищуром, глянул на Алину.

— Подло? У меня, девочка, на этот счет иное мнение, — он говорил чуть слышно, устало, от давешнего гнева не осталось и следа. — Вы его внучка, верно?

— Да, я его внучка.

Он с грустью усмехнулся:

— В тебе течет его кровь.

— И что, по-вашему, это должно значить? — с вызовом сказала она.

— Надеюсь, ничего. Я очень на это надеюсь.

— Мне кажется, у вас с головой не все в порядке.

Федор хмыкнул:

— Вы удивитесь, но в этой деревушке я самый здравомыслящий человек.

— Кто бы сомневался, — со злой иронией прошептала Алина. Она не отводила взгляда от его глаз. — Вы только что показали свое здравомыслие. Очень, знаете ли, убедительно вышло.

Рабочие излишне торопливо засыпали могилу, люди шушукались между собой, женщина в черном платочке отступила на шаг от Алины, всем своим видом говоря: «Я не подслушиваю! Зачем это мне? Болтайте о чем хотите». Издалека донесся вороний грай — возмущенный, резкий на фоне спокойного шелеста листвы.

— Вы ждете от меня извинений? — Федор вынул из кармана пачку сигарет, но тут же сунул ее обратно.

— Думаю, это было бы правильно. Хотя... не передо мной нужно извиняться.

— Перед ним? — Федор кивнул на могилу, а потом приблизил свое лицо к лицу Алины. Она с отвращением ощутила запах перегара. — А вот этого не будет. Более того, я приду позже и наассу на его могилу, вот так вот.

Он резко плюнул себе под ноги, осунулся еще больше и зашагал к дороге, пересекающей кладбище надвое.

«Странный тип, — глядя ему вслед, подумала Алина. — Надеюсь, я его больше никогда не увижу. Ну почему всегда находятся те, кто старается все обгадить?» В сознании всплыло искаженное яростью лицо мужа, и Алина тряхнула головой: нечего усугублять погаными воспоминаниями вконец убитое настроение.

Рабочие наконец зарыли могилу, установили деревянный крест. Люди возложили цветы и венки, после чего, постояв минут десять, мрачной процессией направились к выходу с кладбища, где ждал автобус.

Алина задержалась. Она задумчиво смотрела на венки «От друзей и близких». В голове возникли слова Федора: «Надеюсь, ты сейчас корчишься в аду, в самом пекле, нелюдь».

— Пойдем, дочка, — окликнула ее идущая в конце процессии пожилая женщина.

Алина отозвалась:

— Да-да, я сейчас, — и тут же мысленно обратилась к покойнику: «Чем же ты так ему насолил, дедушка, что он назвал тебя нелюдем?»

Она вздохнула, перекрестилась и направилась к выходящим на дорогу людям. Сделала несколько шагов и почувствовала головокружение, перед глазами заплескали темные пятна.

— Что за... — она уперлась рукой в ствол тополя.

Тяжело задышала, чувствуя, как надвигается паника: какого черта, что происходит?! Не хватало еще сознание потерять без всякой причины. А еще этот вороний грай... Ей казалось, что отчаянное истеричное карканье доносится отовсюду — звук был острый, точно бритва. И сквозь грай, будто из другой вселенной, слышался шелест листвы. «Не оглядывайся, — шептала листва. — Не оглядывайся...» Алина могла поклясться, что слышала именно эти слова.

И она оглянулась — оглянулась с опаской, ожидая увидеть нечто страшное и жалея, что не прислушалась к словам листвы.

Сквозь вспышки темных пятен разглядела могилу дедушки, венки, крест. Ничего ужасного! Воронье карканье начало стихать: сначала звук притупился, смазлся, а потом протяжным хрипом унесся вдаль.

«Наваждение, наваждение», — принялась твердить себе Алина.

Кто-то взял ее за руку.

— Дочка, тебе плохо?

Алина часто заморгала, сплюнула сгустившуюся во рту слюну и посмотрела на пожилую женщину.

— Что?

— Ты вся бледная. Тебе плохо? Может, водички? — Женщина торопливо вынула из плетеной сумки поллитровую бутылку с жидкостью малинового цвета. — На вот, попей морсика.

Пить не хотелось, и Алина отказалась. Сейчас она чувствовала себя лучше: головокружение прошло, темные пятна перестали плясать перед глазами. После странного приступа остались лишь растерянность и удивление. Она благодарно, хоть и натужно, улыбнулась:

— Пойдемте к автобусу.

— Пойдем, пойдем, дочка. — Женщина погрузила бутылку обратно в сумку. Пока шли к выходу с кладбища, она бормотала: — Это все от воздуха чистого. Ты ведь москвичка, верно? Привыкла дышать всякой гадостью, а тут у нас природа...

Алина слушала ее вполуха, время от времени кивая: мол, вы правы, все так и есть. Слушала, а в голове, как далекое эхо, звучал другой голос: «Не оглядывайся... не оглядывайся...» Частичка наваждения, шутка разума.

Она зашла в автобус и пожелала себе больше никогда не посещать кладбища. Хотя... ради похорон мужа, пожалуй, сделала бы исключение.

* * *

Федор оказался прав, во время поминок никто не рассказывал подробностей из жизни Андрея Петровича. Даже сестра его покойной жены Екатерина Васильевна ограничилась общими фразами: «Он был хорошим человеком» и «Они жили с женой душа в душу». Впрочем, как заметила Алина, даже эти слова тетя Катя говорила не слишком уверенно.

Прошло совсем немного времени, и люди, позабыв о скорби, уже трепались на повседневные темы: цены на электричество, наглая новенькая продавщица в продуктовом магазине, наезжающие на Россию проклятые американцы, упавшая во время позавчерашнего урагана береза на окраине деревни... Алина не сомневалась, что скоро дойдет и до песен, благо алкоголя хватало.

Плюгавенький старичок махнул рюмку и заулыбался, демонстрируя отсутствие половины зубов. Будто не на поминки, а на свадьбу пришел. Сидящая рядышком женщина подложила ему в тарелку винегрет:

— Ты закусывай, закусывай, папаны, а то до дома тебя не дотащу.

Тетя Катя поспешно прикрыла свою рюмку ладонью, когда суетливый мужичок попытался налить ей водки. Теперь это был ее дом по завещанию Андрея Петровича, но вчера она посетовала Алине: «На хрена он мне сдался? Я уже старая и жить здесь не собираюсь. У меня прекрасная квартира в городе...» Однако Алина видела, что та лукавит: тетка смотрела на обстановку дома взглядом хозяйки, которая прикидывает, что бы переставить, а что бы и выкинуть. Тем более она твердо заявила: «О продаже дома даже думать не хочу, во всяком случае в ближайшее время». Алине отчего-то казалось, что тетка будет бывать здесь чаще, чем в своей квартире в Шатуре. А почему бы и нет? Дом добротный, ухоженный, дедушка не был прижимист в отношении обустройства своего быта. И вообще, деревня Сорокино лет десять как усиленно эволюционировала и в скором времени грозила превратиться в приличный коттеджный поселок. Алина успела заметить, что в северной части деревни, там, где начинались поля, идет строительство новых домов. Сорокино светило хорошее будущее, в отличие от сотен деревушек, которым меньше

повезло с расположением и чье настоящее означало тупик.

Алина глотнула апельсинового сока и посмотрела на сидящую напротив молодую женщину. Ее звали Ольга, и она пришла на поминки с мужем и сынишкой. Муж, похожий на упитанного пуделя, сейчас сосредоточенно ковырялся вилкой в тарелке, а сын Сеня вместе с Максимкой смотрели на кухне пятый эпизод «Звездных войн» — для них поминки закончились после наспех съеденной курицы и разрешения Алины включить ее ноутбук.

Среди присутствующих Ольга выглядела как арбуз на дынной грядке, она прямо-таки приковывала взгляд: вызывающая алая помада на губах, огромный серый бант в черных волосах, стильные сережки в виде паутинок, красивое темное платье, в котором не стыдно и в Большой театр пойти. Алина с иронией отметила, что у этой женщины свое особое представление о траурном образе — гламурное, с легким налетом готики.

Муж Ольги потянулся за бутылкой, но осекся, отдернул руку и вкрадчиво обратился к жене:

— Солнышко, я выпью еще рюмочку?

Ольга метнула на него убийственный взгляд, и муж весь съежился, Алине представилось, что он сейчас заползет под стол, лишь бы спрятаться от гнева жены. Но она вдруг смягчилась, улыбнулась:

— Конечно, Эдик.

Он с некоторой опаской взял бутылку и налил себе полрюмки, а Ольга, продолжая улыбаться, подмигнула Алине: смотри, подруга, как я его выдрессировала. Эдик торопливо опустошил рюмку и снова принялся ковыряться вилкой в тарелке.

Ольга вздохнула:

— Пожалуй, пора и перекурить. — Она сунула в рот дольку лимона, смешно поморщилась и вышла из-за стола.